

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ДИКИ ВЕЛИКИХ

**ЕВРЕЙСКИЙ ПЕВЕЦ
НЕГРИТЯНСКОГО НАРОДА
ДЖОРДЖ ГЕРШВИН**

Серия «Лики великих» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства.

«Порги и Бесс», «Рансодия в стиле блюз», «Американец в Париже», — имя создателя этих музыкальных шедевров знакомо каждому любителю музыки.

В музыке Джорджа Гершвина (1898 — 1937) звучат интонации еврейских мелодий, негритянских спиричуэлс. Он — истинный певец Америки, в творчестве которого соединились воедино разные культуры.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Елена Мищенко
Александр Штейнберг**

**ЕВРЕЙСКИЙ ПЕВЕЦ
НЕГРИТЯНСКОГО НАРОДА
Джордж Гершвин
(*George Gershwin*)**

...Он был человеком, обладающим огромным жизненным потенциалом. Он был рожден для того, чтобы остро чувствовать красоту и полноту жизни и творить прекрасную Музыку!

Когда он бывал чем-то увлечен, для него не существовало границ, он был безудержен во всем: спорте, азартных играх, развлечениях, любви.

Во всем и всегда он стремился быть лучшим, первым. Но была в его жизни лишь одна всепоглощающая, сметающая все на своем пути страсть — МУЗЫКА!

Когда он садился за рояль и пробегал по клавиатуре длинными пальцами, казалось, что он ласкает любимую женщину. Он не просто играл — он был частью Музыки. Его лицо, тело, глаза принадлежали ей, ибо человек этот — ДЖОРДЖ ГЕРШВИН.

* * *

Каково происхождение этой, столь «по-американски» звучащей фамилии? Корнями она уходит в далекое Санкт-Петербургское прошлое. Отец будущего композитора, Мойша Гершович, родился в семье оружейника, что давало семье определенные привилегии. Одна из них — жить в Петербурге, несмотря на еврейское происхождение. Мойша любил и уважал отца, однако не захотел наследовать его профессию и выбрал более мирную — стал портным. Когда все ближайшие родственники и друзья уехали в Америку, Мойша решил последовать их примеру.

Он знал, что в далеком Нью-Йорке живет его дядя — брат со стороны матери. Знал его фамилию — Гринштейн, знал, что он портной, и у него даже был отдельный листок бумаги с адресом. Вот этот самый листок бумаги Мойша, аккуратно сложив, спрятал в шляпу, надев ее плотно на голову.

Мойша Гершович отправился в далекую Америку, взяв с собой небольшой чемодан и надежно, как ему казалось, спрятав заветный адрес. И вот, когда после долгого плавания, пароход наконец пришвартовался в Нью-йоркской гавани, пассажиры, среди которых был и Мойша Гершович, вышли на палубу полюбоваться статуей Свободы. Мойша перегнулся через перила, чтобы получше все рассмотреть, а шляпа, тем временем, благополучно слетела с головы, унося с собой заветный листок с адресом.

Что и говорить — нелегко в таком городе, как Нью-Йорк, найти своего дядю — портного по фамилии Гринштейн. Однако это не обескуражило новоиспеченного Мориса Гершвина — так записали его имя и фамилию в иммиграционном паспорте. Вначале он «прочесал» район Ист-Сайда, объясняясь то по-русски, то на идиш, а затем, не найдя дяди, отправился в Бруклин. И там, говоря на смеси этих двух языков и помогая отчаянной жестикуляцией, нашел-таки дядю Гринштейна!

Однако не только своего дядю нашел путешественник. Он увидел прелестную девятнадцатилетнюю Розу Брускин. Увидел — и полюбил навсегда. Они поженились 21 июля 1895 года. Жениху было двадцать два, невесте — девятнадцать. Семейная легенда гласила, что свадьба продолжалась три дня. А как танцевали, а как играли музыканты — скрипач, аккордеон и бубен, а какую фаршированную рыбу приготовила старая Двойра Брускин — бабушка невесты!

Молодые поселились в небольшом апартаменте на 60-й улице, как раз над ломбардом. Там же родился их первенец, которого называли Израэль, дома его называли Айра. Дела шли неплохо. Морис нашел хорошую работу, ему платили 35 долларов в неделю, и они уже могли арендовать небольшой двухэтажный дом, за который платили 15 долларов в месяц. В этом доме 26 сентября 1898 года родился второй сын, его называли Джордж.

«Самое большее, что для меня сделали мои родители, — это то, что родился мой брат Джордж», — скажет впоследствии Айра Гершвин.

Третий из братьев, Артур, родился в марте 1900 года. Впоследствии он станет биржевым маклером, однако его сердце, так же, как и сердце Джорджа, будет принадлежать музыке. Он напишет более 150 песен. «Я, — говорил он с грустным юмором, — неизвестный композитор известных

песен». Единственная сестра Фрэнсис родилась в 1906 году. Она тоже избрала своей карьерой шоу-бизнес и даже пела в мюзикле на Бродвее. Джордж любил слушать, как она поет его песни. «Фрэнсис понимает меня как никто более», — говорил Джордж Гершвин.

МЕЛОДИИ ДЕТСТВА

Они были совершенно разными, эти двое братьев — Айра и Джордж. Айра — вылитый отец. Спокойный, уравновешенный, даже немного флегматичный, он всегда рассуждал. Рассчитывал все свои поступки заранее. Хорошо учился в школе, был очень «положительным». Джордж унаследовал темперамент и характер матери. Всегда во всем доминировать, главенствовать — было его целью. Неутомимый, бесстрашный, динамичный, он всегда был в центре событий, с ним вечно что-нибудь приключалось. Однако было единственное средство утихомирить Джорджа — его фортепиано. Отступало все — шалости, забавы, он сразу превращался в слух, забывал обо всем на свете.

Первые музыкальные впечатления Джорджа Гершвина относятся ко времени, когда мальчику было шесть лет. Он впервые услышал «Мелодию» Рубинштейна, исполняемую на механическом пианино в одном из баров Бруклина. Джордж стоял,

замерев у двери, и слушал музыку. «Это был знаменательный день в моей жизни, — напишет он впоследствии, — я не просто слушал эту музыку, я ее жадно пил». Следующее, столь же сильное музыкальное впечатление относится к более позднему периоду, когда, катаясь на коньках, он услышал негритянский джаз. Возбуждающие ритмы, острые гармонии произвели неизгладимое впечатление. Именно тогда и родилось его влечение к негритянским спиричуэлс, танцевальным ритмам. В детстве было немало музыкальных впечатлений — вместе с братьями он посещал бесплатные концерты, которые давались в ближайшей от дома школе, дома часто пели — отец знал множество русских и еврейских песен.

Однако одно из самых ярких музыкальных впечатлений мальчик получил, когда ему было десять лет. В тот день, как и обычно, он играл с ребятами в мяч, как вдруг через открытое окно до него донеслись звуки скрипки. «Это меня так поразило, что я замер на месте, прижав мяч к груди, — рассказывал композитор. — Я стоял и слушал незнакомые мне доселе звуки. Затем, бросив товарищей и игры, решил во что бы то ни стало познакомиться с человеком, который играл на скрипке.

Вначале я ждал под окном, затем начался дождь. Я промок до нитки и пошел в дом, желая